Игорь Рыжов

питерский битник

O3HAKONVITENBHBIÑ O3HAKONVITENT OPATMEHT

УДК 82-31 ББК 84 (2 Poc = Pyc) 6

Игорь Рыжов ПИТЕРСКИЙ БИТНИК

P 93 Рыжов И.

Игорь Рыжов. Питерский битник. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2010.-192 с.

Книгу заметок, стихов и наблюдений «Питерский битник» можно рассматривать как своего рода печатный памятник славному племени ленинградского «Сайгона» 80-х годов, «поколению дворников и сторожей».

Стиль автора предполагает, что эту книгу будут читать взрослые люди.

Игорь Рыжов определял жанр своего творчества, как меннипея ("Меннипова сатира") – особый род античной литературы, сочетающий стихи и прозу, серьезность и гротеск, комизм и философские рассуждения.

В оформлении книги использованы рисунки и фотографии из архива автора.

ISBN 978-5-903463-42-8

УДК 82-31 ББК 84 (2 Poc = Pyc) 6

[©] Рыжов И., 2009

EXEGI MONUMENTUM

Памятник Рыжову — вещь, в принципе, ненужная и противоестественная.

Люди пыжатся, с важными лицами заставляют скульпторов изучать биографии и указывают им на то, чтоб величественно или, наоборот, попроще и с юмором. Потом эту бронзовую фигу с незнакомым лицом или еще хуже — на лошади или с гитарой на шее или за спиной тащат как египетскую пирамиду на площадь перед дворцом или супермаркетом. От нее дети шарахаются. Она мешает ходить и ездить, пугает по ночам, скачет по всему городу за сумасшедшими во время наводнений или бьет прохожего сослепу по плечу «Ты еще крепкий старик, Розен...баум!».

На пьедестале пишут что-то вроде «прима секунде» или столько всего, что не разобраться за год.

Пока живы те, кто помнит, они будут проходить мимо известного им места и думать: «Треугольник. Рыжов».

Так что памятник есть. Его невозможно снести, откорректировать, обгадить голубями или перетащить с глаз подальше. На нем никто не напишет глупостей, не говоря уж о матерных словах.

Дольше всех стоят памятники тем, кто постарался пролить крови побольше или испортить жизнь максимальному числу людей. Памятники поэтам делают в том же стиле, что и властителям, и поэты выглядят не так, как сами хотели бы.

А Рыжов он и есть Рыжов, даже помолодел. Он теперь всегда на Треугольнике.

БИТНИК

«...Жизнь. Что это? Дочь Виталия Соломина на его вопрос как то ответила: «Свой круг на Земле». Как точно. Моя — мой Треугольник...»

БИТНИК

Рюкзак, широкое пальто, армейские ботинки, Идешь загадочно простой, как «Англичанин» Стинга. Идешь асфальтом и листвой, за кованой оградой, Идешь Одессой и Москвой, Свердловском, Ленинградом, Идешь, и падают враги, с тобой твои солдаты, И мир становится другим, пока идешь, куда-то...

Мда.. Исчо раз: я — битник, престарелый. Меня куды пихать, или с кого пенсию требовать? Рокклуб — закрыт, все ушли на фронт, то есть на выживание. Выжили. Дай Бог им. Остальных — я хоронить заеб...лся, вон, давеча Эдика Нестеренко поминали, из групп «Кофе», «Петля Нестерова» и пр. Хоть бы одна сука со мной по монитору чокнулась, я же сам не смог приехать и попрощаться, гипс ещё с ноги не срезал. Царствие ему Небесное!

РАСКЛАД ОБЛИКА

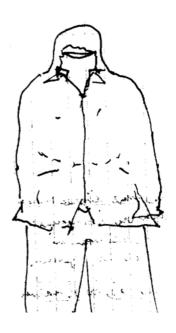
Свитер — малиновый.

Слаксы: песочно-зелено-серые, вельветовые.

Куртка — НАТОвского образца с капюшоном. Цвет приглушенно зеленый.

Акцент — очки.

Любовь — ОДНА!

О СЕБЕ

Да ладно, индивидуально всё это! У меня «ковбойский» рост — 188 см с половиной. Вес — 108 кг. Харя — Крюгер позавидует. Все окрестные бомжи и попрошайки (не наши аскеры!) за годы стали почти родными. То есть, персонаж, интересный лишь эксклюзивно ментам: сегодня, суки, опять всю денежку выгребли!

ДЕРЖАТЬСЯ КОРНЕЙ

Я еврей наполовину — все жёны терялись в догадках, на лучшую или худшую? Хотя какие могут быть половины, если я по матери? Будь мой папа хоть пингвином преклонных годов (хотя, Витя Колесо утверждает, что Вася Рыжов в Сайгоне на пингвина не походил даже отдалённо) — от этого никуда не денешься!

Ещё и православный, то есть выкрест, к тому же. Причём, моя ряшка явно на славянский типаж не тянет!

По отцу то я вообще хрен знает кто, Пинкертон и ФСБ не раскопают, а мать молчит, как партизан на допросе. Смутно помню только деда по его линии с длинными седыми волосами и, столь же длинными, чёрными валахскими усами.

Про мои корни неплохо говорила моя вторая жена: «Рыжов от евреев унаследовал всю хитрость (будем надеяться, с годами переходящую в мудрость), а от неопознанной второй стороны — такой алкоголизм и распиздяйство, что тут репу чесать надо, кто там побывал!».

На что я благоверной всегда парировал цитатой из фильма «Такси-блюз» Павла Лунгина, тот момент, где таксист спрашивает у алкоголика-саксофониста Мамонова, видя, как тот жадно выпивает свой стакан на опохмеле:

— А я думал, что евреи непьющие!Петя, выпивая свой стакан, на выдохе отвечает:— Довели!!!

(Из детской книжки, обработано Игорем Рыжовым)

Утро зло и игриво Занималось в лесу. Шла с Абрашею Рива, Осыпая росу.

Рядом с ней без тревоги, И доверчив и рыж, Семенил длинноногий, Горбоносый малыш.

Изучал от утробы Жизнь через неё... А рука юдофоба Поднимала ружьё.

Оступилася Рива, Осыпая росу, И опять всё красиво В некрасивом лесу.

ДЕТСТВО

Можно, тебя дёрнуть за косички, Детство, неушедшее, моё. Сигареты, спрятанные спички, Дедушкино старое ружьё,

Первая бутылка на скамейке, Выборгской бескрайней стороны, Семечки, вода за три копейки, Мамою зашитые штаны.

Ссадины, как стигмы на коленках, И желанье знаменитым стать. И любовь зовут, наверно, Ленка, И живёт она — рукой подать.

Первые, навеки, поцелуи, Расставанья, первые, навек. Сам себя к себе теперь ревную, Видно, так устроен человек.

Славно, что могу я, хоть и редко, С детством поиграть в его игру. Видно, что-то держит очень крепко, А иначе — просто я умру.

С возрастом меняются привычки, Свято, только то, что позади. Я не буду дёргать за косички, Детство, я прошу, не уходи! Момент возвращения в Детство — то есть в самого себя — свят, пусть, хоть на время! И если было это место — то почти ничто не мешает вернуться туда, хотя бы и не туда, хотя бы и рядом, да, и, пускай, в других ипостасях!

...Я родился под «Гимн Советского Союза», который в этот момент, как и в любые двенадцать часов транслировался по радио, включённом на полную катушку.

То-то я сразу вылезать не хотел, на интуитивном уровне, наверное.

Хотя новорожденные и не слышат ничего, наверное организм воспринял это как дурной знак и всячески сопротивлялся.

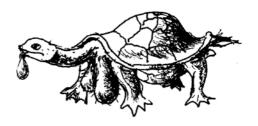
На этот свет я появился с рыжими и длинными до плеч волосами, так что санитарка, впервые принеся меня маме, мрачно буркнула: «Забирайте своего битла!». Та повеселилась.

А вот усов и бороды не было. Размеры тоже были обычные, да и бутылки с пивом в руке и сигареты во рту, кажется, не наблюдалось.

Меня в раннем детстве, как только читать научился, всегда интересовало, почему на заборах «Слава КПСС!» писать прилично, и родной дядя этой фигнёй деньги зарабатывал, а «X...Й» — нет.

Задавал взрослым вопросы, чем же они отличаются, и получал: «Подрастёшь — сам поймёшь!».

Подрос. Не понял. Или понял, но не до конца. Вот если ко второй надписи добавить «Х...Й ВАМ!», тогда всё становится на свои места, тогда действительно ничем.

ГОПНИКИ

Ненавижу гопоту по всей своей сути, хотя, кто я, как не тот же гопник?

После моей третьей постановки на учёт в детстве, после очередного залёта мне оставался лишь один путь — в детскую колонию. Спас случай, попал под очередную «либерализацию», и был отправлен в детский концлагерь «Р.В.С. — Ребята Выборгской Стороны», откуда и попал впервые на Ленфильм на съёмки фильма «Пацаны». Так я познакомился с Витей Мироновичем и, увы, ныне покойным, Валерием Приёмыховым. Если это был фильм не про «гопников» — то х..й вам в жопу по самые не балуйся!

У любого социума — своя гопота, раньше — одна, теперь — другая. Раньше объединяющим их фактором служила «блатная романтика» и понятия, теперь — «вы..би друга и сотоварища своего, пока он не вы.. бал тебя!».

«ОТКОСИНУС от армиус — дело святус!»

Тут надо несколько определиться в отношении к службе в армии. Отдача долга? Так это подразумевает некую взаимообразность со стороны призывающего тебя государства: а то любовь какая-то безответная получается! Или набор баек про службу и откос от неё? Некая размытость темы!

Плюс ещё в моральном аспекте, по моему мнению, следует разделять понятия «Государство» и Родина», то есть где ты имеешь право выбора, а где ты действительно обязан, хотя бы самому себе, хотя бы своими детскими, определяющими воспоминаниями, главное понять, чем и за что именно.

А так какая-то весёленькая, некормившая, а после требовательная мамаша выходит!

Помню гениальный откос по «аритмии»...

Витька Коган, Сашка Физик, Лёшка Коперник фигачили кофейные «четвертные» вместе со мной, тихо ожидая прихода на «Эльфе».

Стоявшие за стойкой «Сайгона» Аллочка или Галя, поправляя очки, по осени или по преддверью лета, за заказом непременно спрашивали:

- Опять «четверную бомбу»?

После чего приезжала «Скорая», и мы благополучно косили ещё один призыв!

Сашка Гаврилин когда-то рассказывал, что Дакота, вернувшись из одной из «горячих точек», приехал в Питер, нашёл его, и повёз неопохмелённого и, ещё ничего не соображающего Алекса в Московию. Добравшись с ним до Красной площади, вынув из старого ксивника свою боевую медаль, со всеми наилучшими, забросил её за Кремлёвскую стену и, достав батл портвейна, облегчённо сказал: «Ну вот и всё! С тобой в расчёте!», и обратно на вокзал...

ПАТРИОТИЗМ

Не обвинять меня в отсутствии патриотизма! Патриотизм для меня — это когда счастлива моя женщина, её и мои близкие, дети, наши друзья. И, чтобы это не зависело от этого грёбаного государства, но, желательно, было бы в этой, любимой-таки, стране.

Насчёт начала жизни, это, Тебе спасибо, от всего организма! А страну — я признаю лишь одну: где мне не страшно будет за любимую женщину, где она не будет обзванивать все окрестные ментовки на тему: «верните мужа!». Я хочу, чтобы ничего с ней не случилось, с ней, и моими близкими и родными.

Не страна не любит нас: она то, как раз нас обожает, в плане: как бы быстрей схряпать. Да и фиг-то с ними, даже не подавятся, с ними ничего уж не поделаешь. А проще, давай я лучше свой стишок выложу, старенький:

Не относясь к электорату, ни разу не голосовав, Неслышно посылаю матом страны, сей сказочной, Устав.

Я не обязан ей ни звуком, ей не служил, и не горю, Хоть в этом отвязалась, сука, за то её благодарю.

За то благодарю, что выжил, не спился и не сдох, к чертям, Хотя, хотелось смазать лыжи, в особенности по ночам.

За то, что не был я подсуден, за то, что я всю жизнь, увы, Лишь был рабом похмельных буден, а не успехов трудовых.

Ведь в благодарности, от силы, на то достанет ей ума, Чтоб плюнуть номер на могилу, на ту, что выроет сама.

Чтобы ублюдку и мерзавцу сказать: «Возьми меня, герой!» И без зазренья отказаться от тех, кто за неё горой.

От тех, кто вовсе не по воле, а по рожденью — свой удел Пронёс, кто был тобою болен, и излечиться не хотел...

Но я покой твой не нарушу: клянусь, мне, правда, хорошо, Пока ты не вползаешь в душу с дубинкою и «калашом».

В душе своей непредсказуем — я знаю, где меня не ждут, Хочу сказать, что я безумен, как каждый, кто родился тут.

Мой разум знает, кто весь прикуп сожмёт в ухоженной руке, И разом подставляет фигу, удар, почуяв по щеке.

Но благодарен я, родная, прости, я искренне, не злюсь, Что я других вообще не знаю. И, что, узнав, не полюблю!...

мой питер

Здорово! Восьмидесятые! Лето, ночь, всё и все рядом, на расстоянии недопитой бутылки «Вазисубани» («Ркацители»?) в правой руке, пешком по проезжей, да по кое-где сохранившейся мощёнке: подковы на сбитых казаках цокают, отпрыгивая эхом от стены к стене, и ни одного мента — пересменок!

Троллейбусы ещё не на линии («Единица» и «Десятка» будут только в полшестого, на Дворцовой, в сторону Климата и Гостинки), но уже успел ополоснуть фэйсняк под струёй первой поливальной машины...

Несколько пролётов по стёртым гранитным ступеням вверх — и спать, спать, оставив последнюю на сегодня просьбу, но...

Я был убит бутылкой пива, Что ты с утра не донесла. И Смерть, что вновь за мной пришла, Была на редкость некрасива:

В нелепых, стоптанных туфлях, В плаще, бесцветном изначально. Взглянула на меня печально,-И протянула три рубля.

Пускай, в назначенные дни, Придёт, и позовёт в дорогу. Я с ней готов уйти, ей Богу! Но с этой — Боже сохрани!...

Трояк на пиво был истрачен, И я молился у ларька Той самой девочке, невзрачной, С косою в худеньких руках...

«САЙГОН»

Всё внутри Тебя! Сайгон — это не закрытие его в своё время, и не «короткий промежуток».

Мы не виноваты, что мы не такие старые, и не во все дырки пролезли: каждому батону — своя хлеборезка!

Это, наверное, как Любовь от секса отличать: вот постареешь, и какой-нибудь созревающий ребёнок спросит:

— A ебля?

А ты, умудрённый опытом, ему:

— Да ну, бля!

Цвета скисшего вельвета, Что был в детстве синим-синим, В Ленинград приходит лето Сделать Ленинград красивым.

Гром, как выстрел пистолета, Цвет неона — бело-красен: В Ленинград приходит лето, Будет Ленинград прекрасен!

Сижу в кафе за буквой «Ф», Простой чувак в чужом шарфе.

Налево, там где буква «E» — Бутылки с пивом, ровно две. Направо, там где буква «А» - Двойной и рыбья голова.

А дальше, там где буква «К», Свободно место, но пока...

Вот так сидит, простой чувак В кафе за надписью «ЕФАК»...

Тут не Сайг в городе, и не мы в нём, а он в нас! Ты же знаешь, я по всему Союзу перелазил, да и перепил, соответственно, в такой экзотике, что у Фёдора Конюхова мустанги в его бороде обзавидовались бы не на шутку!

Не о здоровье суть, а о нас, грешных!

Кто, кроме нас самих, себя вспомнит без прикрас! Менты? Досьеклепальщики ФСБшные? Мне вот, похер: на меня уже в восьмидесятые там Талмуд, толщиной с отрывной календарь валялся, мне, что, это в чём-то помешало?

Сайгон, помимо его расположения, был ещё и точкой антиинфернального соединения сознания людей, знающих слово «Свобода» не понаслышке, а спавших с нею, обнимающих и любящих её, и поутру заваривающих ей чашку кофе. Хотя, география была тут идеальна!

Мир, конечно, тесен, хотя, мне кажется, что лишь прослойка тонка: были же и «Кошка», и «Десерт» и прочая. И что?

Человеку до́лжно с годами становиться ответственным не только за себя, иметь обязательства перед семьёй, собой, начальством, и прочими геморроями, но здесь был островок ТАКИХ ЖЕ, не сгоняемых сюда никем, а, просто, желающих, хоть на пару десятиминуток, свободно подышать!

«Росанна», «Пьяный садик», «Кошка» и «Десерт», «Краны», «Эбби Роуд» и «Крыса»...

Да было уже место, на пересечении Гагаринской и Гангутской, равноудалённое от Пестеля и «Мухи», то ли «Росанна», то ли «Расанна», уже не помню. Проходил неделю назад — заброшенная территория, дверь на замке ржавом, за окнами — перманентное состояние ремонта, но Ровшанов и Джамшудов не наблюдается, стало быть на консервации. Лет пять тому народ там плотно тусовался.

Следите за цепочкой: «Гастрит» плюс «Огрызок» — «Эбби Роуд» (угол Некрасова и Литейного).

Сноска — через дорогу — пирожковая с вечным Ванькой Воропаевым, «Краны» (разливное пиво на Литейном - «кто опять спёр МОЮ дежурную трёхлитровую банку?») — дольше по Литейному в сторону «Спартака» — «Крыса» (кафе «Кофе по-восточному) — обратно до Симеоновской улицы и по ней в сторону Фонтанки (маршрут по годам, во временном отрезке) — «Десертхолл» с двумя пьяными садиками по обе стороны улицы, т.е рядом с церковью «Симеония и Анны» — широченный сквер на пересечении Симеоновской и Моховой рядом с брандмауэром, на котором в самом верху каким-то человеком-пауком было написано «Жан Татлян» (экзотическое пристрастие и нездоровая ориентация для экстремала!) — через «Рок-н-ролл» (крошечная, но уютная пивная на Моховой с вечно весёлыми персонажами из ЛГИТМиКа) в сторону Пестеля через разливуху до бывшей «Шоколадницы» (но там дороже, её единственный плюс — ночная, сволочь) — по Пестеля в сторону «Мухи» с поворотом на Гагаринскую до «Росанны». Территориально — место клёвое, садик там, рядом, как два «Эльфа», только закрыто сейчас наглухо.

«Солнце Ленинграда»

Так не похожий на любовь, проходит день. Часы, наверное, от возраста спешат. Вновь Ангел растворяется в воде, И бъётся в Петропавловке душа.

Чьи крылья так похожи на мосты Расправленные, да не унесут. Хотя, к утру уходишь, вечно, ты, Чтобы к себе отправиться на суд.

Разлуки прочерки, — как вид на островах Заката красного в прокуренных гостях. Знакомым почерком написаны слова: «Всё не напрасно, но и это всё пустяк!»

Ведь, солнца вновь, склонится голова, Куда-нибудь, на чьё-нибудь плечо. Любимая, ты снова не права! Что в этом мире что-то есть ещё...

ПЬЯНЫЕ СПУСКИ

Пьяный спуск — 1

Рауль, Мюллер, Мухомор, Карузо, Глинка, Борман, Оззик, Слепой, Нильс, Вовка Ол, Сашка Салат, Марчелло, Фил Хазанович, Стас Шериф, Элисы — металлист и рижский, Боцман, Густав, Дэйв, Лёша Зорро, Папуас, Макс Купчевский, Маугли, Лео, Боб Настя, Коля Аргентина, Юрай Резников, Мишка Филлипов, Димка Рони, Сашка Француз, Славка Николаев, Игорь Дункул, Валера Кривошей, Матроскин номер два, Миша Пушкин, Валера Блэйк, Ронисы — старший и младший, Кира Соболь, Аркаша Грек, Дуче, Поручик, Бэм, Лёша Фред с Ирой Засадой (остальных барышень не упоминаю по причине их всеобщего очарования для данной стадии релаксухи. Грэйт сорри!)...

Всех перечислять — дело неблагодарное. Те, кто остались в живых, да и кто пить бросил, что-то наверное помнят, а не хотят, что из того: жизня на месте не стоит, паскуда...

Следуем к пьяному спуску:

У Алекса Оголтелого было удивительное свойство: чуйка на ментов. Начало сборов со словами: «Ну, кажется пора!» — означало только одно — скипать следует по-быстрому!

Может это его органическое неприятие представителей данного надкласса млекопоедающих трансформировалось в предчувствие их появления в любой ситуации? Не знаю, но только индикатором он был 100%-м. Причём, где бы ни совершался акт распития: в окрестностях ли рок-клуба, Эльфа, Ройяля, того же пьяного спуска — оно его не обманывало.

Пьяный спуск... Местечко между Аничковым и Симеоновским мостами через Фонтанку. Место, где летом в жару можно было, раздевшись, до у кого совесть позволяла, опустив ноги в воду, под относительно свежее пиво, в центре города, послать всех нах.. и попробовать слегка отдышаться! Выбор места далеко не случаен, стрёма ждать было, в принципе, неоткуда! За спиной — Фонтанный дом, Ахматова там больше не живёт, да и вряд ли вызвала бы, музыкальная школа справа — улыбается брандмауэром, разве что напротив? Но там — Дом Кино, а жильцам соседних домов было глубоко параллельно на происходящее на том берегу.

Издержки бывают во всём: оттуда стучали исполненные праведного гнева и зависти культурные квартиросъёмщики и квартировладельцы, а на адрес, с коего был произведён звонок хронически откликалось только 27-е, которому было глубоко насрать, кто гадит у соседа на участке! Весёлая компания продолжала отдыхать, нарушая открыточный вид из окна, и оскорбляя вседозволенностью.

Проколы неизбежны, совпадения — тем более. У жизни вообще, под хвостом — то кнут, то пряник. С нашей стороны набережной озабоченные согорожане не ленились иногда дойти до телефонной будки, и оттуда приходилось приезжать уже «Пятёрке». Бежать было некуда, разве что вплавь через речку, но обламывало, да и не особо климатило сдохнуть, по пьяни под очередным речным трамвайчиком, русалку им в жёны, да вилы Нептуна им в задницу!

Стуканули, как-то с обеих сторон одновременно. Поверив внутреннему чутью, наслушавшись сторонних матюгов и, приняв во внимание исчезновение Оголтелого, мы, подхватив свои банки с пивом, успели-таки добежать и взобраться на мост, надеясь прорваться к Инженерному замку. Там уже стояли, не двигаясь, две упаковки...

Один взгляд назад ничего не дал — там была ещё одна. Мы застряли посредине моста. Менты отдыхали, в ожидании: куда же всё-таки мы двинемся, и кому придётся комплектовать весь этот паноптикум: брать на мосту ни тем ни другим не улыбалось! А мы стояли, осознавая, что только здесь находимся в полной безопасности. Грустно было и тем и этим.

Поняв, что в данной ситуации нас винтить никто не собирается, мы расчехлили свои банки и, под «Ой, мороз, мороз!» продолжили начатое. В конце концов, загребут — так загребут, место клизмы изменить нельзя! Был чисто спортивный интерес, кто раньше сдастся — Сцилла или Харибда?

«Пятёрка» сдалась раньше, да и руно уже заканчивалось, одиссея же совершила комбэк и, набрав пива, продолжилась в пьяном садике.

Алекса чуйка и тогда не подвела, Царствие, ему Небесное!

Пьяный спуск - 2

Есть всё-таки в нас, питерцах, и не только в нас, но и в приезжих, долго живущих здесь, стремление быть к воде поближе, а летом в хорошую погоду — особенно. Неистребима жажда моря на болоте!

А в жару, да в центре, да под пивко, сам Бог велел! И дышится легче, и подзагореть слегка можно. А когда ещё и ехать далеко и в ломак физически, вчерашнее по организму шляется неприкаянно, ища выхода наружу: хорошо, чтоб источник напитка поблизости располагался — то лучше места, чем пьяные спуски на Фонтанке не найти!

Покупая пиво в розлив, его естественно следовало во что-то наливать, но о «стеклянной войне» между местными сИнегаллами и нами я расскажу чуть позже, а пока лишь упомяну о том, что у каждого, в то время была своя «нычка»: заветная, проверенная боями трёхлитровая банка, запрятанная гдето неподалёку (пытай, Гестапо, партизана, где — он не скажет никогда!).

На спуске пиво двигалось по конвейеру: из одной — по кругу. Вновь прибывшие ставили свои в очередь последними, как наиболее «свежее», а с освобождавшимися гонцы, каждый с двумя, отправлялись на дозаправку. Цепкость человеческих рук, как показывает практика, позволяет безболезненно и без ущерба для продукта перемещать лишь по две штуки, т. е. литров шесть амброзии, включая бег от ментов с препятствиями сквозь проходные дворы.

Набор в канистры не рассматривается по причине моментальной утраты канистры при неожиданных обстоятельствах, да и перетаскивание этой пустой ёмкости ближе к ночи с флэта на флэт выглядело бы оригинально: этакий верблюд с пустым горбом, плюс патрули бы не одобрили.

Но нет предела совершенству!

Лео Уфимский (похожий одновременно на Брюса Ли в запое и Чингачгука, в исполнении Гоши Пицхелаури, в «Зверобое») носил по четыре банки одновременно, не проливая ни капли! Он же додумался, уходя в «Краны», брать с собой лишь одну и там же переливать из неё содержимое во вложенные друг в друга полиэтиленовые пакеты (для прочности). Умещались между пальцами одной руки у него три упаковки таких зарядок, общим литражом в девять литров в обеих.

Банку, естественно полную, при этом нёс какой-нибудь засланный ассистент, и со стороны они смахивали на двух ветеринаров, взявших анализы мочи у постояльцев прихворнувшего слоновника. Поток был налажен безупречно.

Однажды мы с Мишелём Алма-Атинским очнулись у Гриши Колосова на Красной, и поняли, что всё х..ня, включая пчёл, и надо двигаться к Фонтанке.

Кок-как добравшись, отыскав каждый свою тщательно заныканную банку, набрали «напитка завтрашнего дня» и двинулись на спуск. Жара была несусветная: в асфальте ноги просто утопали, а от гранита явственно отдавало ботфортами Петра Великого — если присядешь и нечаянно оголённым местом прикоснёшься к поверхности, то явно ощутишь реальный пинок отца-основателя в виде ожога филейной части.

Раздевшись сверху по пояс (стесняться нечего — лифчиков пока не носим), и, закатав снизу джинсы до колен, мы расположились, свесив ноги в воду, и наполовину погрузив в неё купленное, для дальнейшего охлаждения.

О, это оттягивание счастья первого глотка в молодые годы! Предвкушение удовольствия, превышающее сам кайф! Романтика, пока ещё не ставшая

насущной потребностью утра, начало конца иллюзий почти любого алкоголика! Ещё прекрасен свет в конце тоннеля и Божественна музыка, которые на поверку оказываются лишь фарами и рёвом мчащейся на тебя на полном ходу электрички!

В ожидании блаженства лишь закурили по законной, и по-детски улыбнулись проплывающему мимо нас речному трамвайчику с такими милыми людьми на открытой палубе, помахав им вслед от души.

Но любое плавсредство, вплоть до брошенной в воду спички, гонит за собой неизбежную волну, а если оно ещё и на подводных крылышках! Цунами местного значения окатило нас по нательные кресты, аккуратно слизнуло наши полные банки и тихо и печально понесло их в сторону Невы.

Первым опомнился Мишель. Со страшным воплем «Стоять!!!» он пешком рванул за ними по руслу речки (там у берега по колено, в принципе).

Страшила ещё и не столь утрата содержимого, сколь потеря самой тары: это ж перспектива покупки ещё двух трёхлитровок абсолютно несъедобных кабачков, с выбрасыванием их в ближайшую помойку для освобождения полезных ёмкостей. Расход страшный: недополучение минимум шести литров искомого плюс накладные!

Догнал-таки, брат-бродяга, даже воды сверху не наплескало! После этого все пили только сидя на верхних ступеньках, омывая разгорячённые ноги до колена, и поднимая драгоценное в воздух даже при виде безобидной черепахи-плоскодонки...

...Давно уж нет «пьяных спусков». Вроде и пьяные есть, да и сами-то они никуда не делись, хоть бомжи теперь там летом ванны принимают и пьют, конечно, тоже. Тоже, да не то, да и не также, хотя...

Всегда придут другие, ничуть не мешающие сидящим там с этюдниками художникам и влюблённым парочкам потому, что и сами влюблённые. Зная, догадываясь, а, порой и не зная в кого и во что, но добрые и так не похожие на всех остальных: шебутные и спокойные, проповедники и ёрники, разные и такие одинаковые! Просто для нас — это где-то уже немножко в прошлом, сзади, чуть-чуть...

Прощайте, пьяные спуски! Я обязательно загляну сюда, один или нет, но с непременной бутылкой пива, с ним теперь уже полегче. Когда — не знаю, знаю лишь, что кто-нибудь хороший там ещё непременно появится. А значит, не зря всё!...

Линяют серые трусы У неба Ленинграда летом. И капли, словно эполеты, На всём, как мокрые усы

Листвы не выплаканных ив. Здесь лета нет уж год от года. А он, привыкнув, так красив, Мой город, в эту непогоду.

Как пусто в городе чужом, как будто ночью, на помойке, Сверкают грязью новостройки, река меж них блестит ножом. И в телефонных проводах: «Алло?», — застыло мертвым грузом, Объелось небо здесь арбузом, и льет вода, вода, вода... Как пусто в городе чужом, родным кому-то, близким, теплым. С закатом на оконных стеклах, кому-то, может, хорошо С балкона дали созерцать, на сон Любви, глотнув, немножко, И гладить худенькую кошку, храня мечтательность лица. Как пусто в этой песне мне, как слову взятому случайно. Ни в середине, ни в начале, есть место только в стороне. И, в заключенье, парафраз: ночной вокзал, билет, гитара. Возьму весь город как подарок, и увезу с собой с утра.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Представьте себе: лето, середина 80-х. Ты приезжаешь домой с набережных, с «Треугольника» с какойлибо юной герлицей. Вы слегка пьяны и очарованы друг другом на эту дивную, и так затянувшуюся Белую Ночь.

...Утро. Хочется сказать ей что-нибудь хорошее, одновременно не посылая её на х..й. Да она и так всё знает сама, и нисколько не обижается... Сами собой рождаются вальсирующие строки:

Золото, Вы мое золото, Хоть я бессеребренник, и Вы это знаете. День, и гитара расколота, Вы головою киваете.

Завтрак: чай и яичница, Вы ничуть не расстроены, — В школе Вы были отличницей — Все в жизни отлично устроено.

Золото, Вы мое золото, Ласковое, самоварное. Вы удивительно молоды, Всё еще будет, сударыня!

Я, же — ублюдок редкостный, Мне всех милей Одиночество. А Любовь? А Вы скажете: «Хрен ты с ней!», Вот Вам мое пророчество.

Вы еще будете сравнивать Качество и количество. Скажут Вам: «Блядь», скажут: «Славная», Скажут Вам: «Ваше Величество!». Я же — король незатейливый, В моем королевстве устанете. В нем, как бы Вы не хотели бы, Вы королевой не станете...

Ночь — интересная сводница, Утро — защитник общественный. Золото, солнце, негодница, Будьте ж немного естественней!

Всё: пол-второго, извольте! Пальто подаю Вам ловко. Вот Вам на кофе: не спорьте! И вот она, остановка...

ЦВЕТЫ

С цветами вообще веселуха полная! Мы с Трёх углов через Медного всадника обычно домой возвращались, а перед ним на решётке всегда такие залежи силоса наблюдались!

От роз — до гвоздик и гладиолусов: новобрачные традицию блюли, да туристы подбрасывали!

Помню долгую дискуссию о том, этично ли это, от памятника цветы тырить:

вывели в оконцовке, что дядя Петя там всё-таки не похоронен, а цветы окрестные менты всё равно к утру сами собирают, да цыганам оптом сбрасывают! Это ж не Пискарёвка!

Гениальный был момент, когда они нас всё-таки повязать решили: Я, набрав любимых роз, первым домчался до Синодской арки, ведущей на Красную, и оглянулся назад (хоть в соляной столп не превратился!).

Там, петляя и перепрыгивая через ограду, вензеля выписывали все остальные, но круче всех был бегущий букет длиннющих гладиолусов в хайкингах: это был Лёшка Боцман, и так невысокий, да ещё и букетик ростом и объёмом с себя прихватил!

Ну, окрестные проходные мы-то получше их знали, так, с вылетом на Бульвар Профсоюзов и обратно, испарились!

А цветы мы, всё-таки, и после постоянно таскали, да и потом на Канал Грибоедова без них никогда не приходили!

CKBOT

Ты говоришь, что сквот на Грибоедова был более уютный? Полностью согласен! Но разгадка тут, скорее, крылась в его отдалённости от «Треугольника» и в обилии других вписок по дороге: кто-то оставался у Ярочкина на Красной, кто-то на Почтамской у Матроскина, кто-то у Крюкова канала вместе с Лёшкой Уфимским, а кто-то не мог пройти мимо Декабристов, где была большая квартира, ныне покойных, Ёза и Янки Ишмуратовых.

В общем, по дороге, отряд то и дело недосчитывался очередного бойца, и до места назначения добирались лишь самые стойкие, такие, как мы с Ингером (Железновым) и Валеркой Блэйком. Причем последние иной раз приносили меня на своих плечах.

На Канале было клёво, даже, кажется, и телефон был! Плюс вечно несливающий бачок унитаза, который мы с Блэйком периодически пытались починить, да только практики из нас хероватые получились: как инженеры по образованию, конструкцию устройства секли на ноль, а вот чтобы качественно исправить...

Недавно вспоминали, как какая то интеллигентная барышня туда зашла, передать кому то что то. А потом, перепуганная, жаловалась, что она по ошибке заглянула не в ту комнату, а там четверо полуобнаженных фавнов вокруг трехлитровой банки пива распевали под гитару оперными голосами из «Мамы» Боярского: «Ля-ля-ля-ля, была я на ярмарке, ля-ля-ля стою у дверей... ля-ля-ля вернулась с подарками...

Ну я это пел, каюсь, а что до того, что все в трусах (хорошо, хоть в них!) — так ведь лето, жарко было!

Если помнишь, мы с Ингером крайнюю комнату занимали: обычный безмебельный пенал с видом на Канал. Так вот его, как прирождённого дизайнера, от-

сутствие оной мебели сильно беспокоило: мне на это было — как от Крестов до Алькатраса, два матраса по углам присутствуют, и ладно!

Хрен с ним, если бы он только по поводу неё сокрушался, так нет, творческая натура художника требовала выхода, причём немедленно!

Как-то раз, возвращаясь, то ли с Казани, то ли с Трёх Углов, навестив все попутные пьяные углы и затарившись «Ркацители» по 4 рубля под завязку, с трудом поднявшись по лестнице, открываю дверь в нашу комнату и ни хрена понять не могу: передо мной ОКНО!

Этот гибрид Нимейера и Церетели приволок откуда-то огромную раму от пола до потолка, со стёклами и форточкой (слесарь Полесов, блин, без мотора), и водрузил её ровно посередь комнаты! Намертво!

Я это тогда даже как глюк не воспринял: просто есть преграда, которая мешает мне пробраться к моему матрасику, который мне сквозь неё и виден, к тому же!

Теперь рассказ Ингера:

— Лежу я, никого не трогаю, Кастанеду почитываю. Думаю, вот, сейчас Рыжов заявится, принесёт чего-нибудь (ага, а я уж и костерок развёл, и веточек подбросил, этих, как их там... можжевеловых! Чтобы дымок пах!). Тут открывается дверь и на пороге выплывает тот самый ёжик из сильного тумана, с авоськой сушняка.

Окидывает взором комнату, видит постель, видит препятствие, секунду думает, подходит к раме, открывает ФОРТОЧКУ, просовывает в неё и аккуратно ставит на пол драгоценную ношу, а после с невообразимыми матюгами сквозь неё же втискивается сам!

И ведь влез! И ни одного стекла не побил!

...Чудесное было там место! И балкон, нависающий над каналом, и тополя на набережной, и даже бомжи с алкоголиками по округе какие-то симпатичные!

Конец ознакомительного фрагмента. Полную версию книги можно купить на сайте издательства www.skifiabook.ru

СОДЕРЖАНИЕ

EXEGI MONUMENTUM	3
ЧАСТЬ І. БИТНИК	5
БИТНИК	6
РАСКЛАД ОБЛИКА	7
О СЕБЕ	8
ДЕРЖАТЬСЯ КОРНЕЙ	9
ДЕТСТВО	. 11
ГОПНИКИ	
ОТКОСИНУС	15
ПАТРИОТИЗМ	. 18

МОЙ ПИТЕР	20
«САЙГОН»	21
ПЬЯНЫЕ СПУСКИ	26
БЕЛЫЕ НОЧИ	34
ЦВЕТЫ	36
CKBOT	37
ПРО ФОРТОЧКИ	39
ОЗЕРКИ — ШУВАЛОВО — ПРОСВЕТ	41
люди	45
АЛКОГОЛЬ	51
ПОХМЕЛЬЕ	77
МАРТИРОЛОГ	81

ЧАСТЬ II. LOVE ME TENDER	87
LOVE ME, TENDER	88
ПРОГУЛОЧКА	. 109
БОРЩИ И ЛЕЩИ	. 115
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ДВОИХ	. 124
ДОБРЫЙ ПОСТОВОЙ	. 129

ЧАСТЬ III. О ЛЮБВИ	. 155
О ЛЮБВИ	. 156
ЭРЕКЦИЯ	. 157
ГЕНЕТАЛИИ	. 158
ИЗ ДЕТСТВА	. 159
ИЗ ЮНОСТИ	
ЖЕНЩИНЫ	
ОДУВАНЧИКИ	
ПОРНОГРАФИЯ — 1	
ПОРНОГРАФИЯ — 2	
О РЕЗИНОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ	
ВИБРАТОРЫ	
О ПОЛЬЗЕ ИЗВРАЩЕНИЙ	
ОБ УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ	
АПОЖ	
КНИГА	
О СТИХАХ И ПОЭЗИИ	. 176
О ВШАХ	. 178
О СОРТИРАХ	. 180
КУЛИНАРИЯ	. 182
О СЧАСТЬЕ	
ЛЮБИМОЙ	. 185
ДЕТИ	. 186
О МУЗЫКЕ	
О РЕЛИГИИ И ВЕРЕ	. 187
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	. 189

Игорь Рыжов

ПИТЕРСКИЙ БИТНИК

Ответственный редактор Технический редактор Оригинал-макет и дизайн обложки Корректор А. Ширяева О. Гражданкина П. Домбровский М. Петрова

Издательско-Торговый Дом «Скифия» e-mail: skifiabook@mail.ru www.piterbooks.ru

Подписано в печать 26.07.10 Формат 60*90 ¹/₁₅. Объем 12 усл. печ. л. Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № заказ №147

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО "Северная Нива" Ленинградская область, г.Всеволожск, Межевой проезд, дом 1